

Роман — победитель литературной национальной премии
«Рукопись года» (номинация «Нонконформизм»)

18+

ИНТЕРБРИГАДА

ГЛЕБ СТАШКОВ

Петербургская сторона

Глеб Сташков

Интербригада

«ACT»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Сташков Г. В.

Интербригада / Г. В. Сташков — «АСТ», 2015 — (Петербургская сторона)

Роман, победивший в номинации «Нонконформизм» литературной национальной премии «Рукопись года». Гротескная история о журналисте и пиарщике, вынужденном стать доктором Джекилом российской толерантности и мистером Хайдом русского национализма. Главный герой, защищая свою девушку, совершает убийство. После чего получает редакционное задание разобраться в этом происшествии — и вынужденно ведет журналистское расследование преступления, совершенного им самим. Впрочем, захватывающий сюжет лишь повод поразмышлять о безразличии и о праве сделать свой выбор. Об обстоятельствах, которые могут быть сильнее нас, и о нас, которые могут быть сильнее обстоятельств.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

© Сташков Г. В., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	10
III	12
IV	15
V	18
VI	22
VII	25
VIII	29
IX	31
X	36
XI	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глеб Валерьевич Сташков

Интербригада

Роман

Предуведомление

Весь этот роман – вымысел. Любые совпадения случайны. Националистические речи произносят, пишут и думают только осуждаемые автором отрицательные персонажи, к каковым относятся все герои романа без исключения.

Автор имеет отношение к главному герою лишь в том смысле, в каком Флобер говорил: «Мадам Бовари – это я».

Впрочем, автор честно признается, что не читал Флобера.

Эта книга не обвинение и не исповедь.

И даже не попытка рассказать о поколении, которое погубили кризисы и дефолты, о тех, кто стал их жертвой, даже если спасся от голода и нищеты.

Типа из Ремарка

Он умер сегодня.

Или, может, вчера – не знаю.

Типа из Камю

* * *

– Кажись, кокнулся хачикян, – сказала Настя.

Ее реплика возмутила меня отсутствием гуманизма и политкорректности. Я промолчал, но взглянул на подругу по-новому.

– Ладно, – сказала Настя, – жизнь продолжается.

– У кого как. В принципе, говорю, нет человека, который был бы как остров.

Настя поморщилась:

– Что за фигня?

– Смерть, говорю, каждого человека умаляет и меня.

– Чего делать будем?

– А хрена тут сделаешь?

Мы закурили и вышли под дождь.

Часть первая

I

Если вам не нужны деньги, значит, у вас нет желаний. Видимо, вы при жизни попали в нирвану. Погребальная традиция делает переход в иной мир экономически нерентабельным. Об этом знает любой похоронный агент, который в скорбную минуту раскроет перед вами рекламный проспект с гробиками и катафалками.

Выгоднее поддерживать жизненные силы. Я поддерживаю. К тому же меня не возьмут ни в нирвану, ни в рай. Я журналист, а с моей профессией туда не берут. А я люблю свою профессию. Потому что другой у меня нет.

Но мне нужны деньги.

Полюби – и будешь любимым. Я никогда не любил деньги. Они мне, в сущности, безразличны. Смешно рассчитывать на взаимность.

В принципе, деньги мне не нужны. На еду и выпивку хватает. В Африке живут люди, которым не хватает на еду. В моем дворе живут люди, которым не хватает на выпивку. В Йошкар-Оле я видел людей, которым не хватает ни на еду, ни на выпивку. А мне хватает. Грех жаловаться.

Давно доказано, что деньги лишь форма соперничества самцов за самок и территорию, вроде величины рогов у оленей или длины полового члена у обитателей городских окраин.

Деньги не влияют на качество жизни и удовлетворение потребностей. Самостоятельного значения они давно не имеют и утратили все другие функции, кроме измерительного прибора для определения координат человека на социальной лестнице.

Зарабатывай все кругом по двадцать долларов – имей свою сотню и чувствуй себя королем. Я зарабатываю больше сотни. К сожалению, «все кругом» еще больше. Хорошо хоть, что я живу не в Москве, а в городе трех революций и двух президентов, где представление оличных заработках гораздо скромнее.

Раньше я увлекался политическим блуднем. Воевал с властью разных уровней и достоинств. Продвигал отдельных представителей политической фауны в депутаты. К счастью, безуспешно. А потом думаю: всё, хватит. Прощай, оружие! Я заключаю сепаратный мир.

Стал жить, как живется. Мира не перевернул и в тот, что есть, не вписался. Сначала хотел перевернуть, потом – вписаться. Потом – снова перевернуть. Поздно. Глупо впрягаться в одну упряжку с теми, кто родился, когда ты впервые познал женщину. Отойди, скажут, дядя, не мешай. И говори нормально:

– Трахнул.

Я, собственно, так и говорю, но сейчас мне нужны деньги.

Месяц назад я встретил Настю. До этого я полгода жил с Леной. Потом она ушла к кому-то из моих друзей. Не помню, к кому именно.

А я встретил Настю.

Стою на пешеходном переходе и думаю, что ни одна автосволовочь меня не пропустит. Подходит она. С бутылкой «Холстен» и дамской сумочкой. Ставит пиво на землю. Говорит: «Ублюдок», – и бьет меня по лицу. Сумочкой.

Больно. Любой, кто носит очки, знает, что больно. К тому же тех, кто носит очки, обычно бьют по лицу без малейшего повода.

Я удивился, а она засмеялась.

– Извините, по-моему, я ошиблась.

– Что вы, – говорю, – я, пожалуй, и вправду ублюдок.

– Вполне возможно, но тот ублюдок вроде был без очков. Кстати, тебе без очков лучше. Дай зажигалку.

Она взяла зажигалку, открыла пиво и сунула зажигалку в карман. Я лишился зажигалки и душевного равновесия. Хуже того – я приобрел желания.

Настя требовала денег. Машина тоже требует денег. Но машина об этом не говорит. Ты сам догадываешься, или тебе подсказывают в автосервисе. Настя требовала денег либо молча, как машина, либо громко, как женщина. Я предпочитал, когда громко, потому что молчаливое требование денег худшая из пыток, придуманных человечеством в процессе эволюции.

Она ласково называла меня обсосом. Меня никогда до этого не называли обсосом. Потому что в любой компании всегда находился более достойный кандидат.

Мне с ней тяжело. Она либо тряндит без умолку, либо сутками молчит. Я думал, она обижается, и, в свою очередь, обижался, потому что обижаться ей было не на что. Потом вспомнил, что сам часто и подолгу молчу. И обзываюсь, когда на меня за это обзываются. Зачем говорить? Люди всегда раскрывают рот именно в тот момент, когда им нечего сказать.

Мы с ней похожи. Дурной знак. Нельзя любить девушку, похожую на тебя. В себе подобных влюбляются только самодовольные эстеты и педики.

Настя могла бы зарабатывать кучу денег. Грести лопатой, если бы этот инструмент хоть раз побывал в ее ухоженных ручках. Каждый день ей предлагали постоянные, временные и разовые работы. Она отмахивалась с безмятежностью стрекозы и упорством муравья.

– Ты знаешь профессора Плыща? – как-то спросила она.

– Нет.

– Тогда слушай. Профессор Плыщ работал на историческом факультете. Преподавал источникование, а по вторникам – вспомогательные исторические дисциплины. Принимал экзамены строго, но справедливо. О принципиальности Плыща ходили легенды. Он никогда не брал денег и даже оплату мобильного телефона принимал неохотно.

В день 68-летия Плыща Наташе попался вопрос «Сфрагистика».

– Кто такая Наташа?

– Неважно. Слушай дальше. Ей попался вопрос «Сфрагистика». Ты знаешь, что такое сфрагистика?

– Да.

– Тогда слушай дальше. Наташе попался вопрос «Сфрагистика». «Смешное название», – подумала Наташа. «Какой ученый изучал новгородские граффити двенадцатого века?» – спросил Плыщ. Наташа молчала. Какой дурак будет изучать граффити, да еще двенадцатого века? «Смелее, девушка», – сказал профессор. Наташа вздрогнула. Дважды. Слегка от *смелее* и посильнее от *девушки*. «Известная фамилия, – подсказал Плыщ. – Как у знаменитого певца». Наташа молчала. Она знала много знаменитых певцов, но не могла определить, какой именно. «Высоцкий, – сказал Плыщ и оскалился. – Неужели не знаете такого ученого?» «Нет, – честно сказала Наташа. – Я не знаю такого певца».

Плыщ был, что называется, фраппирован. Впервые в научной карьере он потребовал, причем не денег, а того, о чем мечтал еще студентом-заочником, но забыл получить в научно-исследовательском запале, поскольку запах рукописей в хранилище древних актов перебил запах женщины.

Короче говоря, Наташа согласилась, а Плыщ оказался… как бы сказать… не на высоте. То есть сам-то Плыщ оказался на высоте, а вот отдельные части тела… Может быть, аура кабинета сказалась, а может, портреты профессоров – участников Великой Отечественной войны. Инвалиды, герои и прочие льготники укоризненно взирали со стены на зарвавшегося профессора. Плыщ сплоховал.

Весь семестр Плыщ ходил сам не свой. Он думал, что Наташа пожалуется начальству, и его заставят писать докладную. Излагая позорные подробности происшествия.

Но Наташа не стала жаловаться. «Со всяkim случается», – подумала Наташа.

История осталась без последствий. Наташа вышла замуж за аспиранта и неоднократно рожала ему детей. Понимаешь?

– Нет.

– Потому что, как говорил поэт, береги честь смолоду.

– Зачем?

– Тогда в старости можно расслабиться.

Я сказал, что история, безусловно, поучительная.

– К тебе она не относится. Ты и так без конца расслабляешься. Кстати, завтра мы идем к Норе Крам.

– Кто такая Нора Крам?

– Любовник Астандила Саломоновича Шрухта.

– Кого?

– Шрухта.

– Любовник?

– Да. Нора Крам – мужчина. Его зовут Марк Арон. Нора Крам – псевдоним. Марк Арон наоборот. Как это называется?

– Это называется *нидор*.

– Нет. Когда слово наоборот – это *палиндром* или как-то так. Не переживай, мы пойдем вместе. Нора Крам не принимает мужчин наедине.

– Боится не сдержаться?

– Типа того.

Мы пришли к Норе Крам вдвоем. Настя распахнула дверь с табличкой «Информагентство „Лунный свет“». Странное название для информагентства.

На рецепшине вместо секретарши обитал молодой смазливый секретарь.

– Как вас представить? – не поднимая глаз, спросил он.

– Представь меня голой и в ванне, – буркнула Настя.

Молодой человек сделал пометку в блокноте. Мы прошли в кабинет.

Нора Крам вытер платком лысину, прыснул в рот какой-то мягкой гадости и поцеловал Настю в губы. Я предусмотрительно протянул руку. Он не пожал.

– Анастасия сообщила, что вы профессионал.

– Смотря в чем.

Нора не улыбнулся:

– В обеспечении информпотоков.

Я кивнул. Увлеченный рассказом о личной жизни Норы, я забыл поинтересоваться, зачем, собственно, мы к нему идем. Впрочем, это неважно. Если Настя говорила *идем*, мы шли.

– Надеюсь, Анастасия сообщила, что мы продвигаем в информпространстве освежитель воздуха для гороступов.

– Чего?

– Гороступов, молодой человек, го-ро-сту-пов, – по слогам повторил Нора.

Я посмотрел на Настю. Она нахмурилась, опустила глаза и тихо сказала:

– По горам лазить. Вроде луноходов, только круче.

– Вы новичок? – спросил Нора Крам. – Я не имею нужды в новичках. Информсреда не терпит дилетантов.

Я собрался с мыслями:

– Не имел чести иметь информпредшественников по освежителям. – И добавил на всякий случай: – Проблему гороступов знаю не понаслышке.

Вышло, по-моему, не ахти, но Нора подобрел и пригласил нас за стол. На столе лежали чертеж и журнал «Техника – молодежи» за восемьдесят третий год, откуда, видимо, идея горо-

ступа и была позаимствована. Идея освежителя – вряд ли. В те годы на подобные буржуазные примочки не мог раскатать губу даже прогрессивный молодежный журнал. Я посмотрел на чертеж и сказал, что мне доводилось видеть более современные гороступы.

– Мне тоже, – зачем-то поддакнула Настя.

Нора Крам вдруг засмеялся. Первый раз, но основательно. Его четыре раза сгибало пополам. Пару раз подбрасывало. И один раз развернуло вокруг оси.

– Насмешили, – выдавил Нора Крам и от удовольствия попытался хлопнуть меня по плечу, но сдержался и хлопнул Настю.

Настя плюнула в него жвачкой.

– Ценю чувство юмора, – заявил Нора, – однако же к делу. Перед вами схема информационных потоков.

Я посмотрел на чертеж. Он напоминал схему Бородинской битвы.

Нора Крам нес уже совершеннейшую околосцену. Из знакомых слов мне встретились *резистентная группа, ребрендинг и когнитивный диссонанс*, которым Нора ежеминутно пугал потенциального покупателя. Я с трудом представлял себе потенциального покупателя освежителя воздуха для гороступа, о чем сообщил Норе.

– Наша группа – средний класс плюс. Надеюсь, это понятно?

Разумеется, мне понятно. Обсос из среднего минус задушится купить в гороступ освежитель.

Нора достал коньяк и налил в графин. Графин красивый, а коньяк, по моим ощущениям, средний класс ровно. Нору несло. Он захлебывался благородным напитком и возвышенным красноречием:

– Когда я продвигал антипиар дератизации...

– Кто же вам платил, Нора? Крысы?

– Вот именно – крысы! Знали бы вы, молодой человек, что это были за крысы! Что это были за крохи!

В речи Норы послышались подозрительные сатирические интонации. Он изображал одессита, который в кино играет одессита. Мне стало скучно.

Нора не унимался.

– Дурачок, – уже ласково обращался он ко мне, – информационное общество в прошлом. Как остался в прошлом снегоступинг, на смену которому пришел гороступинг. Мы живем в постинформационном обществе. Информация потеряла свою ценность. Ее приходится втюхивать, как втюхивают третий айфон приехавшему на шопинг колхознику.

– Вы когда-нибудь видели колхозника, Нора? – спросил я. – Тем более приехавшего на шопинг за айфонами?

Нора не удостоил меня ответом. Он продолжал тираду:

– В информационном обществе люди готовы были платить за информацию. Через пару лет нам самим придется за нее приплачивать. Нам – менеджерам информационных потоков! Схавай, дружочек, мою инфу, и я заплачу тебе десять баксов. Так мы будем унижаться. Так мы будем ползать на брюхе перед информационно зажравшейся чернью. А посему, мой мальчик, главная ценность нынче не информация, а каналы ее продвижения. Фишка, которая позволит пробить твою инфу через груды другого информдермы.

– Мулька, – вставила Настя.

– Правильно, девочка. Мулька.

– Нам, – говорю, – пора.

II

На следующее утро, позавтракав краковской колбасой с пивом и скачав файл «шнеко-роторный вездеход. doc», мы с Настей принялись за работу. С чего-то ей взбрело в голову мне помочь. Ладно, думаю, хуже не будет.

– Нужен слоган, – твердила Настя. – И непременно в стихах.

К обеду ее озарило:

*Не доводи себя до трупа,
Вдыхая спертый воздух гороступа.*

– Класс! – сказала Настя.

– Ты ку-ку?

Настя обиделась. Она впервые обиделась. Она, видите ли, не девочка для секса, а человек с душой. Она хотела помочь. Она – творческая единица.

Так и сказала – творческая единица.

Я раскрыл рот. Всегда думал, раскрыть рот – это фигура речи. Нет. Бывает и такое.

Закрыв рот, я снова его открыл и сказал, что она ебанутая. Она не обиделась. Она продолжала обижаться за слоган. Он хороший. Настолько хороший, что я завидую.

Я хотел снова сказать, что она ебанутая, но поленился.

– Чем он плох? – Настя почти рыдала.

– Что значит «не доводи себя до трупа»?

– Говорят же: «Посмотри, до чего ты себя довел».

– Кому говорят? Трупу?

– Все можно довести до абсурда.

– И до трупа.

– Ты достал со своими придирками, – задумчиво сказала Настя.

Да, кстати, совсем забыл. У Насти есть свойство подбирать для каждой фразы совершенно неуместную интонацию. Будто она озвучивает немое кино вслепую.

– Когда бы вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда, – закричала Настя.

– Твои растут из говна.

Мы помолчали.

Я встал и продекламировал свой вариант:

*Покупай тупо
Освежитель для гороступа.*

– Почему тупо?

– Ну, типа, тупо взяли две бутылки. Тупо их распили. Ладно, не надо на меня так смотреть. Можно слегка изменить концепцию:

*Не купить глупо
Освежитель для гороступа.*

– Не купить освежитель для гороступа – очень даже умно.

Я ее захотел.

Впервые в жизни я занимался сексом и смеялся. Мужчины никогда не смеются во время секса. Женщины иногда улыбаются, а мужчины никогда. Видимо, давит груз ответственности. На меня сегодня ничего не давило. Я смог на два раза больше, чем обычно. То есть приблизительно три.

Потом я закурил.

– Тебя это не обижает?

Я спросил просто так. Я бы все рано закурил. Я всегда встаю и курю после секса.

Настя спросила, с чего она должна обижаться. Я сказал, что все остальные обижаются.

– Курить после секса – вполне естественно, – сказала Настя. – Надо придумать ролик.

Чувак выходит из гороступа на вершине горы. Прыскает освежителем.

Я поинтересовался, зачем освежать воздух на вершине горы. Туда специально лазают, чтобы подышать чистым воздухом. Меня положительно пробило на логику.

– Какая разница? – возмутилась Настя. – Он прыскает – и чего-нибудь происходит. Например, к нему взбегает девушка.

– Взбегает? На вершину горы? Нахрена тогда гороступ, если на эту горку можно легко, как ты выражаясь, взбежать?

– Болван. Мы рекламируем не гороступы, а освежитель. Пусть она не взбегает. Пусть летит на крыльях любви.

– Конечно. Если нет гороступа, остаются только крылья любви.

– А чуваку похрен. Он же на вершине. И крупно – Сизиф.

– Почему Сизиф?

– Так называется этот долбаный освежитель.

Я вспомнил, что Нора угождал нас коньяком с этикеткой Camus. С меня хватит. Я набрал номер:

– Нора, вы уверены, что гороступ – тема?

– Неважно, мальчик. Жизнь лотерея, а не спорт. Лучше девять раз попасть в молоко и один раз в десятку, чем все время выбивать шестерки-семерки. Хватайте удачу за хвост.

Удача, как и деньги, не моя стихия. Нора пальнул в молоко. Он позвонил через четыре дня:

– Освежителям отказано в бюджетном финансировании.

– А гороступам?

– Гороступам тем более. Проект временно закрывается.

– Вы мудозвон, Нора. Старый гнойный пидор.

Трубка пищала короткими гудками.

– Я так и знала, – сказала Настя и совсем не к месту добавила: – Теперь твоя судьба в твоих руках.

И ушла. Я надеялся, навсегда.

III

Несколько дней я писал тексты для газет, журналов и сайтов. О понижении цен на гречку и повышении цен на энергоносители, об отставках в Минрегионе и назначениях в Минобороны, о фанатах «Зенита» и парагвайском диктаторе Хосе Гаспаре Родригесе де Франсия. Потом темы исчерпались.

Я открыл жестянную банку и обнаружил, что кофе осталось не больше чайной ложечки. До зарплаты – неделя. Я пошел к ноутбуку и проверил почту. Новых писем нет. Никто не пишет. Новых денег тоже не предвидится. И что я буду есть всю эту неделю? Дерьмо.

Неожиданно на карточку пришли какие-то гроши, а в Эрмитаже устроили выставку Эдгара Дега. Изнывая от скуки, я послал Насте эсэмэску: «Давайте с вами сходим на Дега. Билет недорого, а время до фига».

Настя ответила: «Время нет». В эпоху Дега женщины тоже были страшно занятыми. Они позировали ему в попыхах и в каких-то странных позах – скорчившись в тазу или вытирая жопу полотенцем. Мне кажется, Дега не любил женщин. А я не люблю женщин, которые не любят Дега. Пусть лучше вытирают жопу полотенцем.

Настя прислала новую эсэмэску. «Время есть». Мы встретились и до Дега, конечно, не дошли. Надеюсь, он не обиделся. Мы дошли до «Пальмиры». Сколько раз я приглашал девушек в Эрмитаж – и всегда попадал в «Пальмиру»:

– Настя, я написал стихотворение.

Платят за талант
Сущие гроши.
Может, я романтик
В глубине души?

Смешно?

– Нет.

Я пил коньяк, она пила пиво, а потом тоже коньяк.

– Посмотри на себя, – сказала Настя, пьянея. – Как ты живешь?

– Как неприкаянный?

– Типа того.

– То, что я делаю, никому не нужно.

– Делай то, что кому-нибудь нужно.

– Тогда я займусь местом в двадцать пятом ряду.

– А сейчас ты в каком?

– В пятьсот сорок шестом.

– Это лучше?

– Не так унизительно. Я сам выбрал, а не кто-то меня поставил.

– Идеология лишних людей. Позапрошлый век.

– Тогда лишние люди изнывали от скуки, глядя по сторонам в лорнет и отпуская шуточки по-французски. А я кручуясь, как сука. И по-французски, кстати, не знаю.

– Напиши роман.

Я сослался на отсутствие таланта. Надеялся на опровержение. Я был уверен, что последует опровержение.

– А у других есть? – спросила Настя.

Не надо было отвечать. С этого все и началось. Я разболтался. Литература, мол, лживая по своей природе. Или ущербна. Что потрясает людей? То, что они пережили, а за них пережитое

кто-то описал. Тогда классно. Тогда писатель отобразил чувства и мысли поколения. Эк ведь – прямо как я, восхищается читатель. А напиши я, что человек был с женщиной два раза, потом она ушла к другому, а он не может жить, и его четыре года ничего не интересует, – скажут: так не бывает! Три года – еще куда ни шло, но четыре...

Читатель судит по себе. Чтобы он встрепенулся, его убогие страсти и надо изображать. Или – еще хуже – мечты: прославиться и заработать кучу денег. Или просто заработать кучу денег. И нужно не просто изображать, нужно самому быть таким, иначе получится неестественно и натужно. Но если у человека такие страсти – что он может написать? А если он не такой, как все, но не герой, а просто чувствует остree – то есть, по сути, такой, какой только и может быть интересен, – кто будет читать о его переживаниях? Кто поймет, а главное – поверит? Если ты гений (прости господи, я и такую пошлятину говорил), если ты гений, так и понять тебя невозможно.

– Ты не гений. Напиши интересно.

– Зачем? Булгаковский Мастер был счастливым человеком. Он написал роман про Понтия Пилата, и над темой посмеялся Воланд. Теперь над ним поржала бы редакторша в издательстве.

– А ты не пиши про Понтия Пилата.

– Плевать я на них хотел, – не знаю, на кого именно я хотел тогда плевать, но плюнуть в кого-нибудь очень хотелось. Вот и она лезет со всем этим фуфлом. Хочет сделать из меня знаменитость. – Я люблю свободу. А сейчас у меня ее нет.

– Что же мешает?

– Ты.

– Боишься меня потерять?

Я промолчал и достал сигарету.

– Хочешь быть самим собой?

Мы никогда раньше не разговаривали с Настей так. Я вообще ни с кем раньше не разговаривал так. Я вообще не уверен, что так разговаривают. Но все-таки ответил:

– Не хочу. Страшно... вдруг под этой шелухой ничего нет...

Она взяла меня за руку и вытащила на улицу. Мы свернули в подворотню. Я заметил двоих куривших кавказцев. Четыре хищных глаза.

Мы поднялись на чердак по темной узкой лестнице. Настя прижалась ко мне, и я почувствовал копошение в районе ширинки. Давай, думаю, не отставай. Редкостный ублюдок надоумил девушек надевать джинсы так, чтобы они висели ниже трусиков. Начинаешь сразу снимать трусики, нарушая предусмотренную природой последовательность. Ничего, кое-как справился.

Мой тонкий нюх распутывал узел из испарений и вони. Я различал терпкий запах гнилого дерева, едкий запах мочи, резкий запах кала, сладкий запах анаши и аромат Настиных духов «Джей Би Гренуй». Я выпивал эти запахи, стараясь оставить в памяти. Я готов был кончить, когда за спиной раздался смешок. Кавказец. Один из тех, кого я видел в подворотне.

Не знаю, что привело его на чердак – запах женщины или запах гашиша, испускаемый пластиковой бутылкой «Спрайт». Это Настя смастерила. Еще до того, как мы начали раздеваться. Я предпочитаю анашу.

– Поделись девушкой, дорогой.

Я ударил, не задумываясь. Тяжело бить со спущенными штанами. Удар пришелся в никуда. Зато я отлетел к стенке. Тяжело дыша, поднялся и бросился на распалившегося горца. Он вцепился в Настю. Я вцепился в него. Она отпихнула ублюдка, да и я чего-то сделал.

Послыпался то ли удар, то ли хруст.

Мы стояли и смотрели.

Он лежал на грязном чердачном полу. Из башки текла кровь. Вернее, не текла. Просто под башкой образовалась бордовая лужица.

Я застегнул штаны.

– Кажись, кокнулся хачикян, – сказала Настя…

IV

Мы не чувствовали ни раскаяния, ни угрызений совести. Разве что Настя несколько раз вздрагивала во сне. И за завтраком не было аппетита.

Настя поджарила яичницу, но не притронулась к ней. Я поковырял вилкой и ограничился кофе. Угрюмое молчание висело над кухней.

От нечего делать Настя стала расставлять посуду в шкафу. Наткнулась на мою старую фотографию. Черт знает что она там делала. Вообще-то у меня фотофобия. Никогда не фотографируюсь. Наверное, потому, что на школьных фотографиях всегда выглядел придурком. То сижу враскоряку, то волосы торчат дыбом, а в самом лучшем случае криво повязан пионерский галстук.

– Что это за фотка? – спросила Настя. – Почему такая грязная? Ты на ней урод.

– Это портрет. Как у Дориана Грея.

– Не всосала.

– Она говняется, а я не старею.

– Чего делать будем? – спросила Настя. Уже во второй раз.

– Надо бы... как это называется... лечь на дно. Посидеть дома недельку.

Она кивнула. Я, конечно, прав, но вчера мы пропили последние деньги. Нужно что-то есть. А в нашей ситуации желательно еще и пить.

Как мне надоели эти деньги. Кто их только придумал? Лидийцы какие-то. Но делать нечего. Придется идти в редакцию. В конце концов, я там работаю.

В бухгалтерии мне заплатили. Уже хорошо. Мне бы сразу домой, но я зашел пообщаться. На душе повеселело.

Редакция у нас хорошая. Как-то я написал про нее стихи:

Сидит редактор. Хмурый.
Напротив две секретарши-дуры,
Политаналитик – рупор прогресса,
Спецы по культуре,
По архитектуре
И бывшая поэтесса,
Бездельник колумнист,
Собиратель слухов,
Бумаги чистый лист,
В остальном – глухо.
Редактору все равно
(Много печали в знании),
Бейся не бейся, давно
Не идет издание.
Хоть кури, хоть ори.
Пришла полоса признания.
Прошла полоса признания
Недели через три
После создания.

Стихи успеха не имели.

Сегодня я увидел только черные квадраты мониторов. А в дальнем углу – Гаврилу Пожрацкого, который что-то строчил в блокноте.

Гаврила Пожрацкий – молодой человек пятидесяти двух лет, с длинными волосами и короткими жирными ножками. Говорит безостановочно. Ему бы на радио, да дикция подкачала.

– Привет, – говорю.

– Здорово-здраво. Не поверишь, брат, когда пишу, верю каждому своему слову. Назавтра могу написать прямо противоположное – и тоже буду верить.

– Меня всегда возмущало твое легкомыслие. Есть в нем что-то женское.

– Ерунда. Просто сильный эмоциональный заряд. Можем же мы любить бабу, потом ненавидеть, а потом любить и ненавидеть одновременно. А баба, заметь, все та же.

Я совершил ошибку. Нельзя было упоминать о бабах при Пожрацком. В комнате повешенного о веревке не говорят. Повешенные не терпят дилетантских рассуждений о веревках. Пожрацкого понесло на куннилингусы, а с этой темы существовал только один поворот – на минеты.

– Не делай, – говорю, – из пизды культа.

Пожрацкий великодушно усмехнулся. И тут мне попался редактор. Он замечательный, но не сегодня. Сегодня он совсем ни к чему.

– Ну здравствуй, – говорит редактор, – давненько тебя не было.

Действительно давненько. Дней десять.

– Сыпал, в главной конторе холдинга тебя хотят уволить. Не совсем уволить, а перевести во внештат.

Неправильно, думаю. На одних гонорарах, пожалуй, ноги протянем. Да еще Настя…

– Саня, – говорю, – готов выполнить любое задание. Вот прямо сейчас.

– Отлично, – говорит редактор. – Вчера какого-то кавказца замочили.

– На чердаке?

Боже мой, что я несу…

– А ты откуда знаешь?

Я откашлялся. Сказал, что ничего не знаю, просто читал в интернете.

– Значит, уже вывесили. Тем более. Дуй туда и разузнай, что к чему. Напишешь репортаж. Глядишь, может, в конторе и передумают. Они криминал любят.

Моя горгтань издавала какие-то звуки, для передачи которых нет букв в русском алфавите. Сердце стучало в районе живота, а живот разместился в районе сердца.

– Что с тобой? С бадуна, что ли?

С бадуна! Конечно, с бадуна! Сколько раз с бадуна я ссылался на простуду. А сегодня я с бадуна. Безусловно. Со всех бадунов на свете. Да хоть в наркотической ломке.

– Я не могу, Саня.

Голос, старик, контролируй голос. Не выдавай себя, этого еще не хватало.

– Давай, – говорит редактор, – без разговоров.

Иду к Пожрацкому.

– Классная тема. На чердаке завалили кавказца. Скинхеды и всё такое – по твоей части. Пожрацкий, идиот, смеется. Ему, видишь ли, смешно.

– Нет, кавказцы меня не интересуют. Вот кавказочки – другое дело. Имел я одну черкешенку, я тебе скажу, марципан. А познакомились – хохма. Не поверишь, брат, подхожу, спрашиваю: «Девушка, что-то мне ваше лицо знакомо. Вы мне минета не делали?» И, не поверишь, прокатило.

– Бывает, – говорю.

Выпить. Позвонить Насте. Нет. Наоборот. Не звонить Насте. Но выпить.

Сказано – сделано. Сто пятьдесят коньяку – и отпустило. Да и шалман хороший подвернулся – «У Ахмета». Очень кстати. А чего, думаю, даже забавно.

Я отправился на задание. Много ли журналистов получают такие задания? Тебе, брат, несказанно повезло. Забавно, ничего не скажешь.

V

Захожу в подворотню. Ту самую. Екает сердце? Нет, нормально с сердцем. После коньяка – абсолютно нормально.

Менты шустрят, народ какой-то. Не люблю ментов. Они, как говно, – тоже из внутренних органов.

Вижу Натаху из «Нева-инфо». Дурочка из молодых, да ранних. Ноги длинные – начинаются на земле, а заканчиваются за облаками. Скоро в редакторы выбьется. С такими ногами на рядовых должностях не задерживаются. Всем хороша Натаха, только трещит почице Пожрацкого.

– Короче, посылают меня сюда. Нормально, да? Типа больше некого, что ли? Я, короче, ни ухом ни рылом. Вон, короче, следователь, а труп вынесли.

У каждого поколения свои слова-паразиты. Раньше говорили – *это самое и так сказать*. Хотели наши старшие братья чего-то сказать, да не знали, что именно. Я говорю – *как бы*. Постмодерн. Всё – как бы, всё – понарошку. Как бы добро, а как бы и зло. Как бы сам придумал, а как бы и процитировал.

С нынешними проще. Они говорят – *короче*. Сами себя подстегивают, хотят уложить речь в 140 символов. У большинства получается, причем без труда. Некогда единое поколение дворников и сторожей разошлось по полюсам, превратившись в поколение Твиттера и бомжей.

Потолкался минут пятнадцать, иду к следователю, представляюсь. Ничего он, конечно, не скажет, им не положено. Следак меня уже послать собрался, вдруг подходит какой-то баклан и передает ему что-то в пакетике. Смотрю – пуговица. Смотрю – моя. Или не моя. Таких коричневых пуговиц – что грязи.

Машинально опустил голову. Гляжу на куртку. На месте второй пуговицы пучком торчат серые ниточки. Одна длиннее других. Почему-то запомнилось. Смотрю на следака, а он – мне на грудь.

– Жженый, – представился следователь, – Петр Пафнутич.

Обычный мужик. Пониже среднего роста, упитанный, курносый, с большой круглой головой. Правда, глаза странные. Вроде бы водянистые, но так и сверлят.

– Вас интересуют подробности?

Стою, ничего не отвечаю, тереблю ниточки. Ну полный идиот.

Жженый изложил подробности. Я не слушал. К чему мне подробности? Я их и сам знаю. Тут дело в другом – с чего он перед журналистом распинается? Уже заподозрил? Замечательно. Прилетела бабочка на огонек.

Присмотрелся повнимательней. Он мне как будто подмигивает. Или всегда так моргает?

Вдруг слышу:

– С пальца убитого снято кольцо.

Какое еще кольцо? Кто его мог снять? Не я – это точно. Тогда кто? Вот тут-то сердце и екнуло. Или коньяк отпустил.

Нет, не может быть. Даже подумать о таком страшно. Да и когда? Мы же все время стояли рядом.

– Вы меня слышите? – спрашивает Жженый.

Я тряхнул головой, будто спросонья.

– Да, конечно. Думаю, скинхеды.

Точно – подмигивает. И усмехается. На редкость мерзко – одними губами.

– Не похоже на скинхедов. Они предпочитают на улице, чтобы прилюдно. В назидание, так сказать, и устрашение. И не могли они его на чердак силой затащить – были бы следы

побоев, а их нет. Не по своей же воле он на чердак со скинхедами отправился. Бутылочку из-под спрайта с прожженной дыркой опять же не забудьте.

– При чем здесь спрайт?

– Неужто не знаете? С помощью таких бутылочек, мил-человек, гашиш курят. А скинхеды, насколько мне известно, наркотиками не балуются, у них другие интересы. Это я, между прочим, из вашей же статьи почерпнул. Месячной давности.

– Из моей? – рассеянно спросил я. – Может, этот гашиш месяц назад и курили. Мало ли кто по чердакам ошивается.

– Месяц назад, мил-человек, никак не получается. На бутылочке-то дата изготовления стоит.

Что за речь? Совсем не следаковская. Какой-то чиновник позапрошлого века. Вроде он поначалу со мной нормально разговаривал. С какого момента начал паясничать? Теперь уж не вспомнить.

Жженый разболтался не на шутку:

– Не понимаю я вас, хоть убейте. Что значит – мало ли кто по чердакам ошивается? Вы вот, скажем, часто на чердаки лазаете? Часто у вас бывает, что взяли гашиш – и на чердак?

Я сказал, что не курю гашиш.

– А по чердакам? – спросил Жженый как-то уж слишком серьезно. Да так и впился в меня своими глазенками.

Я отвел взгляд. С трудом просипел:

– В детстве. Бывало.

Натужно рассмеялся. Тоже, полагаю, мерзко – одними губами.

Бери себя в руки, старик, ты сыпешься, как песок. Я не успел додумать, откуда именно должен сыпаться похожий на меня песок. В голову пришла мысль, как повернуть разговор в более спокойное русло. А еще лучше – свернуть его к чертовой матери.

– Мне кажется, Петр Пафнутич, это я должен задавать вам вопросы. По долгу службы.

Жженый продолжал сверлить меня взглядом. Он больше не подмигивал и не усмехался.

– Служба у нас, мил-человек, разная, но обоим приходится вопросы задавать. Впрочем, не смею вас задерживать. До скорой встречи.

С чего это она будет скорой? Вовсе я не желаю с тобой встречаться. Сто лет бы тебя, сука, не видеть.

Год не пей, два не пей, а сегодня сам Бог велел. Я вернулся к «Ахмету». Забился за столик в угол. Пока меня не было, гадюшник оживился.

Какой-то кавказец читал крашеной блондинке Пушкина. Девица в мини-юбке, не прикрывающей трусов, танцевала лезгинку под Леди Гагу. Человек со шрамом на щеке кричал в мобильник:

– Ну и че?

Помолчит десять секунд, крикнет «Ну и че?», снова помолчит, снова крикнет. Ровно через десять секунд. Как по часам. Очень успокаивает.

Я задумался. Отчего-то вспомнилось детство. Третий класс. Мы обсуждали на собрании, кто достоин стать пионером. То есть присоединиться к строительству коммунизма на более высоком уровне, чем октябрятский. Обсуждали моего приятеля Балдеева.

Не помню, что мне ударило в голову, но я встал и заявил:

– Балдеев не может быть пионером. Он играет в марки.

Игра в марки была в то время нашим любимым развлечением. Кладешь марки на пол и бьешь по ним ладошкой. Если они перевернулись картинкой вверх – твои. Так – радостным шагом, с песней веселой – мы дружно шагали за комсомолом, который играл в трясучку. На десяти-, пятнадцати – и даже двадцатикопеечные монеты.

Игра в марки, равно как и трясучка, находилась под запретом. Учителя наивно полагали, что ее придумали в буржуазных странах дети капиталистов, обуреваемые жаждой наживы. Конфискованные марки и монеты учителя забирали себе. Поэтому игра велась в мужском туалете. Туда из старшего поколения мог зайти только трудовик. Потому что у физкультурников был свой туалет, а учителя женского пола доступа сюда не имели.

Мой приятель Балдеев слегка, прошу прощения за каламбур, прибалдел и парировал:

– Я, конечно, играю в марки. Не отрицаю. Но я играю в марки с ним.

И презрительно ткнул в меня пальцем. В итоге нас обоих не приняли в пионеры ни в первый, ни во второй заход. Мы, как лохи, до четвертого класса ходили с октябрьской звездочкой вместо пионерского значка. Это как сегодня ходить с пейджером вместо айфона.

А я тогда хотел стать командиром отряда. До этого, в первом классе, я хотел стать командиром звездочки, но обломался. Меня забаллотировали. Разумеется, обломался и на этот раз. Командиром отряда выбрали девочку, которая не могла играть в марки в мужском туалете. Нас с Балдеевым поставили на унизительно низкие номенклатурные должности цветовода и политинформатора. В цветоводах я ходил до седьмого класса, когда меня уже отовсюду поперли.

К чему вспомнилось? Понятно, к чему. Вылез тогда и сам на себя настучал. И ведь с тех пор, как Илья Муромец, тридцать лет сидел и не выделялся. И вот нате вам – влип. По собственной инициативе. А может, и не влип.

Я набрал редактора. Сказал, что ничего интересного не узнал.

– Не скромничай, – засмеялся редактор. – Мне звонил следователь.

Я заглотил коньяк вместе с куском лимона.

– Жженый? Зачем?

– Хвалил тебя. Сказал, впервые встретил такого профессионала. Обо всем, говорит, ты его расспросил, все выведал, грамотно и по делу.

– Ты его знаешь?

– Впервые слышал.

– А больше он тебе ничего не сказал?

– Сказал.

Пауза. Загадочная интонация редактора мне совсем не понравилась. Я жестом показал официанту, что коньяк нужно повторить.

– Сказал, что это дело надо распиарить. И чтобы этим обязательно занялся ты.

– Нечего там пиарить. Банальная мокруха.

– Хватит! Тебе лишь бы ничего не делать. Ты, между прочим, пока еще в штате. Будешь пиарить.

Предвкушая грядущий успех, редактор резко подобрел:

– Давненько у нас ничего резонансного не было. Завтра жду текст. Большой текст, на разворот. Можно с пафосом. Пожалуй, даже лучше с пафосом.

– Какой текст? С каким пафосом? О чем?

– Не мне тебя учить, – смиренно заявил редактор и отключился.

Ладно. Пиарить так пиарить. Я допил коньяк и вышел на улицу.

Поймал машину. Что-то у меня с нервами. Померещилось, что за рулем тот самый, с чердака. И правда похож как две капли.

– Куда едем?

И голос – один в один.

– В Купчино.

– Пятьсот.

– Триста.

– Четыреста – и с ветерком.

Я сел.

– А где это, Купчино?

– Поехали, – говорю, – покажу. Только выруби свои национальные мелодии. Голова болит.

Я не националист, ни в коем случае, но как-то их в последние дни много стало. На меня одного.

Настя сидела на кухне и пила вино.

– Будешь?

– Буду.

– А, по-моему, тебе хватит.

– А, по-моему, тебе стоит меня послушать.

Я все рассказал. На редкость сбивчиво и бесполково. Насте иначе не расскажешь. Когда я пытался острить, она изображала испуг. Когда говорил про Жженого, давилась со смеху.

– Ты курила?

– Курила.

– Молодец. Самое время.

Она засмеялась.

– Настя, когда отлетела эта чертова пуговица?

– Я не помню.

Сказала и снова засмеялась.

Я взорвался:

– Ты не можешь не помнить! – Я схватил ее за плечи. Грубо. В первый раз я схватил ее грубо. – Ты женщина. Вы помните, кто во что вырядился на Восьмое марта семь лет назад. Ты помнишь каждый день, когда я был в нечищенных ботинках.

Я вдруг начал рубить слова:

– Ты. Не можешь. Не помнить. Когда. Отлетела. Пуговица.

– Отстань от меня.

Настя вырвалась, отбежала и с ногами запрыгнула в кресло. Жалобным детским голоском пропищала:

– Я не помню.

– А кольцо?

– Какое кольцо?

– Жженый сказал, что с этого пидора сняли кольцо.

– Ты совсем спятил?

В кое-то веки она выглядела нормальным человеком. Выражение лица и голос совпали и соответствовали моменту. Она смотрела на меня с опаской. То ли испугалась моих подозрений, то ли боялась, что я и в самом деле спятил. Настя походила на обиженного подростка и была до невозможности хороша. Мне стало стыдно. Во мне проснулась нежность. Я медленно подошел к ней и обнял. Ласково. Насколько это было в моих силах.

– Прости.

– Я люблю тебя.

Вот те раз. Такого я еще не слышал. Я посмотрел ей в глаза и улыбнулся:

– Кто бы сомневался.

VI

Я проснулся в десять. Настя спала на мне. Голова у меня на груди, ротик открыт и выражение лица то же – обиженный подросток. Была бы она такой всегда. Жалко ее будить. Я пролежал с полчаса, глядя на Настю. Потом аккуратно вылез из-под нее и пошел в ванную. Пора писать статью, а под душем хорошо думается. Пафос вам подавай? Будет вам пафос.

Хлебнув вина для вдохновенья, я сел за компьютер. Мозг включился, пальцы забаранили.

«Злодейское убийство потрясло буквально весь город». Может, убрать «злодейское»? Ведь ничего злодейского не было. Черт с ним, пускай остается. Не писать же «убийство по неосторожности». «Совершенное пишущим эти строки». Я засмеялся в голос. Люблю я свою работу, пропади она пропадом.

«Дело не только в том, что, как говорил Достоевский, жизнь человеческая...» Нет, Достоевский не катит. Банально. «...как говорил Генрих Гейне, жизнь человеческая подобна звезде – потухнет, и небо станет пустыннее». Неплохо, только надо заменить Генриха Гейне на Иммануила Канта. Все равно ни один из них ничего подобного не говорил.

«Дело в том, что каждого из нас бросает в дрожь при мысли о собственной незащищенности». Меня лично бросает в дрожь при мысли, что этот ублюдок прикасался к Насте.

«Никто из нас не застрахован от того, чтобы средь бела дня попасть под горячую руку молодых подонков». Почему, собственно, молодых? Ну не старых же. Я, в принципе, еще не старый. Настя – тем более. И пусть кто-нибудь еще попробует к ней прикоснуться – тут уж не до страховки.

Я пошел в спальню взглянуть на Настю. Спит. Я улыбнулся.

«Милиция, бесцеремонно расправляющаяся с мариами протеста, приводит нас в тягостное недоумение...» Что-то я сам в недоумении. Чего я хочу-то? Ясно, чего. «Обществу нагло брошен очередной вызов. Мы, миллионы нормальных здравомыслящих людей, вынуждены трепетать из-за горстки подонков». Стоп, «подонки» уже были. Твари? Грубо. Или нормально? Были же «твари дрожащие». Нет, нельзя трепетать из-за тварей дрожащих. Если они дрожат, значит, сами трепещут. Из-за ублюдков? Из-за выродков! Выродки – то, что надо.

«Бритая голова еще не дает права вершить судьбы людей».

Господи, какая чушь... Но звучит отлично, редактору понравится. Надо бы, кстати, подстричься.

«Они парализуют нашу волю, запугивают нас, используя наши страхи. „Самым большим пороком я считаю трусость“, – говорил булгаковский Иешуа. Не пытайся спрятаться за авторитеты, смело глядя в ваши глаза, люди, я спрашиваю: „Доколе?“ Это не может продолжаться вечно. Любому терпению приходит конец, как говорил один из персонажей Томаса Манна, родного брата не менее знаменитого Генриха Манна». Замечательно. Не слишком логично, но замечательно. Чувствуется этакая петербургская жилка. Хорошо бы еще Бродского привлечь.

«На Васильевский остров я приду умирать, – писал нобелевский лауреат Иосиф Бродский. Убитый не дошел до Васильевского острова. Он встретил смерть на эжутком чердаке дома-колодца на – кой улице». Смешно. С чего ты взял, что он шел на Васильевский? И с чего ты взял, что он шел туда умирать? Неважно. Бродский и сам-то умер в Нью-Йорке. Бродский – это тема. Бродский – это брэнд. Визитная карточка интеллектуала.

«„Ни страны, ни погоста не хочу выбирать“, – писал поэт в том же стихотворении». Естественно, в том же. Других стихотворений прославленного лауреата я не знаю.

«Убитый сознательно выбрал для проживания нашу страну, оказавшуюся для него и погостом. Мать обернулась маечкой». Больно игриво. Да и что у тебя – убитый да убитый. А как мне его назвать?

Зазвонил мобильник:

– Здравствуйте, это Жженый.

Я молчал. Даже не поздоровался.

– Мы установили личность убитого. Ашот Гркчян. Записали? До скорой встречи.

Опять – до скорой встречи. Откуда у него мой номер? Я ему не давал. Стопудово. Может, редактор? Потом разберусь.

«Мерзостное преступление должно быть раскрыто. Во что бы то ни стало». Смотри, как бы это раскрытие не стало тебе поперек горла. Ничего, не станет, хрен они чего раскроют. Пуговица… мало ли… пуговица… И все-таки, с какого момента Жженый начал паясничать? Не помню.

«Все мы готовы оказывать следствию посильную помощь». Да уж, я в особенности.

Надо бы подпустить про рост русского национализма. Одна знакомая девочка про этот гребаный рост пишет. Я набрал девочку в поисковике и скопировал четыре абзаца. Надеюсь, она не обидится. Нет, не обидится. Она не обидчивая. Тогда еще абзацик, для ровного счета.

Я вздрогнул и обернулся. В дверях стояла Настя. Смеялась.

– Ты разговаривал сам с собой. А когда говорил по телефону, молчал.

– Любимая, если я молчал, значит, я не говорил по телефону.

– Говорил.

– Это был Жженый.

– Чего ему надо?

– Его звали Ашот Гркчян.

– Кого? – Настя снова засмеялась.

– Того, с чердака.

– И что?

Вся эта история, по-моему, ее совершенно не волновала. Мне стало не по себе. Нельзя быть такой… Какой? Бездушной? Почему, собственно, нельзя? Меня эта история тоже не волнует. Меня волнует Жженый.

– Ничего, – говорю, – просто Жженый позвонил и сказал, что его звали Ашот Гркчян.

– Ты дописал статью?

– Да.

Она уселась мне на колени.

– Какой ты у меня классный.

Это еще что за телячьи нежности? Терпеть не могу нежности. Если так пойдет дальше, я стану солнышком или зайчиком.

Не дури, парень, тебе нравится. Признайся, мудила, тебе нравится.

Я отнес ее в спальню.

Мы упали в кровать. Мы в нее зарылись.

– Не надо, – сказала Настя.

Сначала я неправильно ее понял, потом правильно. Это – как скажете. Это с удовольствием. Терпеть не могу презервативы. С детства. Ну не с детства – лет с шестнадцати…

Теперь она ушла в душ, а я лежал и курил. Я засыпал. Надо бы потушить сигарету.

Я встретил его на улице.

– Ты куда? – спрашиваю.

– На Васильевский.

– Умирать?

Мы смеялись. Курили и смеялись.

– Мы теперь всегда будем вместе. Где ты, там и я.

– Не пзди, – говорю, – Ашот. Это из Булгакова. Ты не мог читать Булгакова.

Я проснулся. Окурок прожег пододеяльник. Выходит, пододеяльник теперь жженый. Не хочу спать на жженом. Нет, под жженым. Достаточно, давай-ка лучше просыпайся.

Настя сидела у компьютера, подперев голову ладошками.

– Я вставила тебе одно предложение.

– Хорошо, что не два.

– Слушай.

Хорошо поставленным дикторским голосом Настя прочитала:

– Милицейский протокол зафиксировал: «На месте преступления обнаружены фрагменты черепа бритой формы, что дает возможность предполагать причастность к убийству одной из молодежных группировок типа „СКИНХЕД“».

Я засмеялся.

– У тебя осталось покурить?

– Да.

– Я тебя люблю.

– Сохранить мою правку?

– Обязательно.

VII

Мне надо было зайти в редакцию. За мной увязалась Настя.

Под странным предлогом:

– Хочу увидеть настоящих журналистов.

– Меня тебе мало?

– Ты не настоящий, – сказала Настя. – И не журналист.

Она права. Удивительная женщина. Ведь просто мелет языком. Вроде бы генератор случайных слов, а каждый раз попадает в точку.

Да ты, похоже, влюбился. Не иначе как.

На крыльце курил Пожрацкий. Это лишнее. Настя, конечно, не барышня-смолянка, так ведь от речей Пожрацкого даже у профессиональной шлюхи уши завянут. Гаврила, видимо, почувствовал, что нужно сменить амплуа.

– Не поверишь, старик, все утро думаю о добре и зле.

– Не поверишь, я тоже.

– Тебе-то зачем? Ты не способен творить зло.

– Как знать, – говорю. – Хотя, пожалуй, ты прав. Я делаю подлости без удовольствия, а это, если верить Довлатову, первый признак порядочного человека.

– Он же и последний.

Пожрацкий пошлейшим образом выдыхал дым колечками. Он был похож на утку.

– И что ты надумал за целое утро?

– Слушайте, – сказал Пожрацкий.

Он как будто впервые заметил Настю. До этого на нее даже не взглянул. Странно, на него не похоже.

– Один мой приятель работал в спортивной газете, – начал Пожрацкий, закурив новую сигарету. – Ему велели написать про теннис. А теннис – он далеко. То в Мельбурне, то в Шанхае, то в Уимблдоне. Никто его вживую не видит и, по большому счету, ничего о нем не знает. Поэтому мой приятель взял статью из «Известий». Не просто воспользовался, а тупо залез на сайт и нажал «копировать» – «вставить». Ни полстрочки не изменил. Кто в спортивной газете читает «Известия»? И кто в «Известиях» читает спортивную газету?

– Естественно, – встягала вдруг Настя, – продолжайте.

– Автором статьи в «Известиях» оказался начальник моего приятеля по той самой спортивной газете. Автор, он же начальник, был до глубины души возмущен произволом. И очень хотел покарать подчиненного за вероломство и, вообще говоря, халатное отношение к делу. Но не мог. Не мог признаться, что подписанная псевдонимом Иван Ракеткин статья принадлежит ему. На это последовал бы ответ еще более высокого начальства: «Что ж ты, сука, в чужих изданиях сотрудничаешь!» За сотрудничество в чужих изданиях его бы самого вздрючили.

Пожрацкий перешел на эпический слог:

– И долго скитался обокраденный автор от одного коллеги к другому и по большому секрету рассказывал о своем несчастье. А коллеги смеялись и предлагали ему выпить, зная, что он не пьет, и от этого всем, кроме обокраденного автора, становилось веселее и легче на душе.

Пожрацкий выдержал паузу и изрек мораль:

– Так добро не смогло покарать зло, потому что само оказалось злом.

– Потрясающая история, – сказала Настя. – Вы очень хорошо рассказываете.

Я ничего не сказал и только посмотрел Пожрацкому в глаза.

– Понял, старик. На чужое не покушаюсь, мы же друзья. Гаврила Пожрацкий умеет ценить дружбу.

Забрызгав мне ухо слюной, ценитель дружбы прошептал:

– У тебя с ней серьезно?

Я на секунду задумался:

– Нет.

На крыльце вышел редактор. Медленно достал сигарету, затянулся и нехотя выговорил:

– Молодец.

Пожрацкий засиял:

– Ты о моем репортаже с гей-парада? Да, Саня, удался, не буду скромничать.

– Твой репортаж я не поставил. Как-нибудь в другой раз, если место будет. Вот он моло-
дец.

«Он» – это я.

Вроде бы Настя рядом, слышит, но, в отличие от Пожрацкого, я не сиял. Чувствовал, что
не к добру эта похвала.

– Статья – супер.

Я посмотрел на редактора поверх очков. Статья – говно, и ты это прекрасно знаешь.
Откуда ветер дует?

– Будешь вести тему. И убийство Гркчяна, и скинхедов.

Я сказал, что не могу вести темы. Долгоиграющие проекты не для меня. Я человек
настроения. Преимущественно плохого.

– Вопрос не обсуждается.

– А что, – снова встрияла Настя, – по-моему, очень интересная и перспективная тема.

Господи, думаю, ну ты-то куда?

– Практиканта? – спросил редактор.

– Да, – сказал я.

– Нет, – сказала Настя, – я его любовница.

– Выбор одобряю, – усмехнулся редактор.

Я не понял, чей выбор одобряет редактор, мой или Настин.

– Насмотрелась, – говорю, – на журналистов? Пошли.

Мы не спеша шли по улицам. Народ суетливо сновал мимо нас. Машины уныло маялись
в пробках. Ротвейлер целеустремленно бежал куда-то, волоча за собой хозяина.

Я заметил, что среди всех прохожих Настя самая красивая. А я, пожалуй, самый угрю-
мый.

Настя купила мороженое и, съев половину, сказала, что хочет выпить.

Я привел ее к «Ахмету». Настя уселась за столик в углу, тот самый, который в прошлый
раз выбрал я.

Мы выпили. Помолчали. Пора было что-то сказать.

– Так не бывает, Настя. Я не могу вести эту тему. Такого. Просто. Не может. Быть.

У меня появилась идиотская привычка – чеканить слова. И еще одно. Я заметил, что
мы, как дики, не называем случившееся ни убийством, ни преступлением. Ходим вокруг
да около, а словами не называем. Табу. Не хочу быть дикарем. Убийцей – куда ни шло, но не
дикарем.

– Я не могу пиарить собственное преступление. Так не бывает.

– В жизни всякое бывает, – сказала Настя и рассказала историю.

Rассказ Нasti

*Записан по возвращении домой из кафе «У Ахмета», где было заказано
400 граммов коньяка «Бастион», 400 граммов коньяка «*****», 400 граммов*

коньяка «***», две литровые упаковки вишневого нектара, а также четыре шоколадки «Твикс».

Петр Степанович служил в зоопарке. Коллеги его уважали, и звери тоже жалоб не имели.

Утром Петр Степанович приходил на службу и говорил:

– Здравствуйте, коллеги.

– Здравствуйте, Петр Степанович, – отвечали коллеги.

А вечером Петр Степанович, наоборот, говорил:

– До свидания, коллеги.

А коллеги в свою очередь отвечали:

– До свидания, Петр Степанович.

Со зверюшками Петр Степанович разговаривал охотнее, и мы его хорошо понимаем. А вот понимали зверюшки или нет – этого мы не знаем и, честно говоря, мало интересуемся.

Утро не предвещало ничего плохого. Петр Степанович по обыкновению сказал супруге:

– Здравствуйте, супруга.

И супруга со своей стороны тоже поздоровалась.

Зато на службе стоял такой бедлам, что коллеги даже забыли сказать:

– Здравствуйте.

Директор долго тряс руку Петра Степановича и говорил:

– Поздравляю.

Остальные тоже поздравляли, а электрик Федя даже похлопал Петра Степановича по плечу, что было уже и лишним.

– Вы оказались правы, – произнес, наконец, директор первую осмысленную фразу.

Петр Степанович подумал, что обвалился вольер для кабанчика или удав издох от стесненных эжилищных условий.

Но случившееся превзошло самые смелые ожидания. Самка дикобраза спарилась с бобром. Это было настолько невероятно, что счастливых молодоженов упросили прилюдно повторить эксперимент. Они охотно откликнулись и публично опровергли устоявшиеся в науке представления о невозможности подобного рода страсти.

Петр Степанович торжествовал. Он уже давно опровергал эти устаревшие представления, но исключительно в теории.

– Почему не может быть? – спрашивал Петр Степанович. – Очень даже может. Ровным счетом ничему это не противоречит.

Коллеги не спорили, но и не разделяли его убеждений. И временами находили их подозрительными. А электрик Федя прямо говорил:

– Кому какое дело? Пусть каждый – с кем хочет. Кому какое дело?

И вдруг – такой триумф для Петра Степановича. Долгожданный. Выстраданный. Научно обоснованный.

Петр Степанович суетился, объяснял, хватал коллег за рукава пиджаков, свитеров и блузок. Надоел, честно говоря. И, когда он попросил директора отпустить его пораньше, директор с облегчением отпустил.

– Энтузиаст, – сказал директор вслед Петру Степановичу. – Ценный кадр. Можно подумать, дикобразиха ему дала, а не бобру.

Окрыленный Петр Степанович влетел в квартиру и с порога закричал:

– Поздравь меня, супруга.

– Поздравляю, – сказала супруга. – Только я от тебя ухожу.

Петр Степанович ничего не слышал. Он схематически начертил на листе ватмана дикобразиху, а сверху – бобра и разъяснял супруге свое несколько порнографическое творчество, впрочем, в весьма корректных выражениях.

– Ты меня слышал? – спросила супруга. – Я от тебя ухожу. Я полюбила другого.

Петр Степанович остался один. Его лицо приняло совершенно бессмысленное выражение, а через несколько минут потеряло даже его. Никакого выражения не осталось на лице Петра Степановича. Он вжался в стул и сократился как минимум вдвое. Супруга накапала ему корвалола. Петр Степанович с омерзением выпил.

– Кто он? – спросил Петр Степанович.

– Федя, – ответила супруга.

– Какой Федя?

Задавая вопросы, Петр Степанович имел столь отрешенный вид, что было ясно: он спрашивает потому, что надо же в такой ситуации что-то спрашивать.

– Федя, – повторила супруга. – Ваш электрик.

Петр Степанович вспомнил Федю, его грубые руки, грязь под ногтями, рыжие усы и полное безразличие к проблеме скрещивания особей разных видов.

«Пусть каждый – с кем хочет. Кому какое дело?» – вспомнились Петру Степановичу Федины слова. Только теперь до него дошел их зловещий смысл. Благородная ярость закипела в его душе. Он встал, увеличившиесь как минимум втрое.

– Не бывать этому! – воскликнул Петр Степанович и ударил кулаком по столу.

– Давай без истерик, Петр Степанович, – сказала супруга. – Мы же интеллигентные люди.

В ее голосе явственно ощущалось безразличие. Петр Степанович понял, что для супруги уже все решено, что она уже причалила к другому берегу и в последний раз оглядывается на берег оставленный, то есть на него, без жалости и сожаления.

– Федя… Федя… Федя… – бессмысленно твердил Петр Степанович и вдруг закричал.

Первый раз в жизни закричал: – Так не бывает! Этого не может быть!

– Почему не может быть? – спросила супруга. – Очень даже может. Ровным счетом ничему это не противоречит.

Собрала вещи и ушла. Навсегда.

Добрый Петр Степанович сделался упрямым и сварливым научным работником. Грустно видеть, когда юноша теряет лучшие свои надежды и мечты, хотя есть надежда, что он заменит старые заблуждения новыми, не менее сладкими… Но чем их заменить в лета Петра Степановича? Поневоле сердце очерствеет и душа закроется…

А дикобразиха, кстати, бобра бросила. Говорят, не сошлись характерами.

VIII

Наутро раздался звонок в дверь. Я открыл.

– Не узнаешь, дорогой?

Я не узнал, но догадался.

– Да, дорогой, мы тогда с Ашотиком вместе были. Только я наверх не пошел. Я, дорогой, внизу остался. Ашот – молодой, горячий, а мне такие вещи ни к чему. И где теперь Ашотик и где теперь я?

– Мне насрать, где Ашотик, а ты за каким-то хреном – на пороге моей квартиры.

Гость попытался войти. Я не посторонился. Стоял как вкопанный. Прислонясь, так сказать, к дверному косяку.

– Пусти, дорогой.

– Ни к чему.

– Тогда я пошел.

Он вызвал лифт.

Сука. Сука! Сука!!!

– Ладно, – говорю, – проходи.

Мы сели на кухне. Я налил себе коньяку.

– Налей и мне, дорогой.

Я налил ему в Настину рюмку. Он поднял рюмку, чтобы чокнуться, но я тут же выпил залпом. Закурил. Он тоже.

– Правильно, дорогой. Выпьем не чокаясь. За Ашотика, светлая ему память. Если б ты знал, что за человек был Ашотик. Золото, а не человек. Лучше друга не было и не будет. Какого друга, что я говорю, брат он мне был, понимаешь, больше, чем брат. Жена у него осталась, дети малые. Горюют, плачут: куда нам теперь, Гурген, скажи, Гурген.

Я молчал. Гурген огляделся:

– Где у тебя тут поссать?

– Налево и до упора.

Не дай бог, думаю, пойдет мыть руки – полотенце жалко выкидывать, от мамы досталось. К счастью, Гурген на мытье рук не заморочился. Вернулся и продолжил описывать достоинства Ашота и горькую долю осиротевшей семьи покойного. Тряс пепел на скатерть, по-хозяйски разливал коньяк.

Я молчал. Надо куда-то смотреть. Только не в эти маслянисто блестящие глаза. Я устался на сахарницу.

– Давай, – сказал Гурген, поднимая рюмку, – за Ашотика.

– Ублюдок был твой Ашотик. Такой же, как ты.

Я ждал взрыва. Надеялся на кавказский темперамент. Мечтал о драке.

Гурген рассмеялся:

– Зря так говоришь, дорогой. Узнал бы Ашотика поближе – полюбил бы, как брата.

– Чего тебе надо?

– Мне, дорогой, ничего не надо. Но жена, дети... Чем я им помогу?

В голове что-то сработало. Правильно, надо проверить.

– Я узнавал. У него не было ни жены, ни детей.

Гурген слегка смущился:

– Не было? Как же так? Может, и не было. Но есть эти... следователи... прокуроры...

– Сколько?

– Следователей? Не знаю, дорогой. Тебе, по-моему, одного хватит.

– Сколько денег?

– Сто пятьдесят.

– Сто пятьдесят чего?

– Обижаешь, дорогой. Я вижу, ты человек небогатый. Сто пятьдесят тысяч рублей. Не мне – жене, детям.

Гурген, наверное, запамятовал, что мы сошлись по поводу отсутствия бедствующих, а равно и небедствующих членов Ашотова семейства. Впрочем, это не имело никакого значения.

– Сто пятьдесят тысяч – и ты Гургена больше не увидишь.

Недорого, думаю, ты ценишь друга и брата. Впрочем, это, видимо, только первый транш.

– У меня сейчас нет денег.

– Достань, дорогой.

– Сука! – В комнату вихрем ворвалась Настя. Она визжала шесть с половиной минут, я следил по часам.

Я привык к ее низкому, с хрипотцой голосу и не знал, что она умеет визжать. Каждое ее слово было в точку и уверенно классифицировалось частью 1-й статьи 282-й УК РФ как разжигание межнациональной розни, то есть обозначение действий, направленных на возбуждение национальной вражды, унижение национального достоинства, а также высказывания о неполноценности граждан по признаку их отношения к национальной принадлежности.

Гурген ухмылялся, поблескивая белками.

– Что за женщина! Золото, а не женщина. Эх, Ашотик, как я тебя понимаю.

Я едва сгреб Настю в охапку и ввернул пару высказываний, подпадающих под ту же 282-ю статью УК, которая, признаться, всегда казалась мне несколько расплывчатой.

Гурген сохранял полнейшее спокойствие.

– Когда будут деньги, дорогой?

– Когда нужно?

– Сегодня. Но я готов подождать, – Гурген ухмыльнулся. – Ради нее.

Настя все-таки умудрилась всадить ему по яйцам.

Гурген стоял как ни в чем не бывало. Железные они у него, что ли?

– Крайний срок – послезавтра.

– Договорились, – говорю, – пиздуй отсюда.

Гурген налил себе еще одну рюмку и, заглотив, отчалил.

Настя сидела напротив меня, как только что сидел Гурген. Я поставил ей новую рюмку и долил остатки коньяка.

– Чего делать будем? – спросила Настя.

– А хрена тут сделаешь? Надо платить.

– Он не отвяжется.

– Понимаю.

Мы молчали. Кончились сигареты, и я облегченно вздохнул: не вечно же плятиться в эту чертову сахарницу. Я спустился в магазин, купил сигареты, а заодно и коньяк.

– Может, замочить этого Гургена?

Похоже, я изменился за эти дни. Меня не передернуло от ее предложения. Оно показалось мне если не разумным, то имеющим право на существование. Его следовало обдумать.

Я обдумал.

– Замочить – значит увязнуть в этом дерьме по самые яйца.

Настя посмотрела на меня с грустью:

– Ты думаешь, мы еще не увязли?

IX

Звонил мобильник. Я взял трубку и нажал на прием.

– Здравствуйте, это Жженый.

Я не удивился.

– У меня есть очень интересная информация, – Жженый выдержал паузу. – Можете подъехать через два часа?

– Могу, – сказал я и нажал на сброс.

– Жженый? – спросила Настя.

Меня не удивило и то, что она догадалась. Я кивнул.

– Настя, нужны деньги. Послезавтра нужны.

– Где их взять?

– Я зайду. Правда, не знаю, как отдавать.

– Я позвоню Норе, – сказала Настя.

Разговор с Норой занял пару минут.

– С тобой он работать отказывается, – Настя засмеялась и сказала, почему-то с грустью:

– Помнит, видимо, про пидора. А мне обещал подкинуть работенку.

Мы разошлись. Она поехала к Норе, я – к Жженому.

Жженый был в кабинете один. У него, видите ли, свой кабинет. А говорят, они вдесятером за одним столом ютятся. Кабинет, впрочем, так себе: письменный стол, сейф в углу и несколько стульев.

– А, почтеннейший! Вот и вы в наших краях, – запаясничал Жженый. – Ну садитесь, мил-человек.

Я сел и отчего-то все время глядел на стол. Круглый стол овальной формы, вертелось в голове. Хотя стол был самый обыкновенный, прямоугольный. Заурядный госучрежденческий стол.

Жженый внимательно меня разглядывал. Долго. Я догадался, что он смотрит на куртку. Я, естественно, был в другой, не в той, от которой отлетела пуговица. Похожей пуговицы мы с Настей не нашли и запрятали куртку подальше. Настя в целях конспирации решила выкинуть ее в мусоропровод, но я сказал, что на такой конспирации люди и палятся. Настя сказала, что я жмот. Подумала, мне куртки жалко. Черт с ней, лишь бы отстала.

– А где же ваша куртка? – спросил Жженый.

С места в карьер. Я, признаться, опешил:

– У меня много курток.

– Но эта совершенно новая.

– Я иногда покупаю себе куртки.

– Зачем, если у вас их много?

Провались ты пропадом, мудак, со своими примочками. Я молчал, не зная, что ответить. Жженый рассмеялся.

– Да что вы так напряглись, мил-человек, не ровен час, в истерике забьетесь. Не люблю, знаете ли, истерик. Я же с вами не о куртках собрался говорить, есть вещи и посерезнее.

Куда уж серьезнее.

– У вашего Ашота Гркчяна... – начал Жженый.

Я собрался было всплыть, почему, мол, моего, но вовремя заткнулся.

– У вашего Ашота Гркчяна был лучший друг. Гурген Аванесян. Так вот он пропал.

– Как пропал?

– Почему вас это так удивляет?

Я ненавидел его. А еще больше себя. Соберись с мыслями, придурок, не задавай идиотских вопросов, веди себя естественно.

– Может, вы забыли, Петр Пафнутьевич, но я веду это дело.

– Я тоже.

Жженый расхохотался. Не одними губами, как раньше, а совершенно омерзительно: губами, левой щекой и правым глазом. Честное слово. У дьявола мог бы быть такой секретарь, вспомнились мне чьи-то слова.

– Понимаю, понимаю, мил-человек, поэтому и говорю вам. Совершенно, так сказать, конфиденциально, дабы вы использовали в своих материалах.

– Одно с другим не вяжется.

– Что не вяжется? – Жженый искренне удивился. Искренне. То есть – по-человечески. Наконец-то.

– Конфиденциальность с использованием в материалах.

Жженый опять рассмеялся. На сей раз по старинке – одними губами.

– Вот и вы, мил-человек, меня подловили.

Когда ты-то меня подлавливал, сука? На чем?

Жженый резко распахнул папку, достал фотографию и положил передо мной.

– Вам знаком этот человек? – В голосе чувствовался металл с легкой ржавчиной.

Еще бы не знаком. Гурген. Три часа назад виделись.

– Нет, конечно. Почему он должен быть мне знаком?

– Вы его точно никогда не видели?

– Петр Пафнутьевич, можно вас спросить? Вы часто ходите по городу? По магазинам, по рынкам?

– А что такое?

Опять, сука, удивляешься. Это хорошо.

– Вы замечали, сколько кругом кавказцев? Ашотов, Гургенов. Как я могу вам точно сказать, видел я его когда-нибудь или нет?

Жженый решил, что я ослабил стойку, и немедленно нанес удар:

– А вы сами-то, мил-человек, как к кавказцам относитесь? Я смотрю, речи подозрительные ведете, про скинхедов пишете.

– И стригусь почти наголо.

Я засмеялся. Я тебя сделал, парень. К этому я был готов. Именно к этому. Похоже, я начинаю тебя понимать. Психология в общем-то нехитрая. Переход от паясничанья к допросу и обратно.

– Я, Петр Пафнутьевич, член «Общества толерантности» и постоянный участник маршей интернационалистов.

Я говорил чистую правду. Я член трех десятков партий, гражданских лиг, объединенных фронтов, общественных объединений и всяческих оппозиций. Еще с тех времен, когда политикой баловался. Давно хотел выйти, да все недосуг было.

– И все-таки много их развелось, – сказал Жженый, якобы сокрушаясь. *Их* он охарактеризовал общепринятым эпитетом, который опять-таки подпадал под пресловутую статью 282-ю УК РФ. Ну это уж вовсе не серьезно. Мелкая провокация. Обидно. За кого он меня принимает?

– Как член «Общества толерантности», не могу с вами согласиться. И даже готов осудить.

– Осуждать – это по нашему ведомству, – сухо сказал Жженый, поставив меня на место.

Правильно. Я действительно малость зарвался. Лучше вовремя остановиться.

– Вы свободны, – сказал Жженый.

Он что, сердится? Смешно. Что значит – вы свободны? Он меня вообще-то не на допрос вызывал. Он хотел сообщить доверенному журналисту конфиденциальную информацию. Хотя… свободен так свободен.

– Подождите, – Жженый встал и гадко улыбнулся. – Я вот чего думаю. Может, его случайно завалили, этого Ашота? Скажем, милуется на чердаке парочка, а он суется. Туда-сюда, возникшая вдруг неприязнь, драка. И вот вам – труп.

И никаких тебе мил-человек. Просто и ясно.

Чего же ты тянешь, если все знаешь?

У меня вспотела спина. Я промямлил:

– Насколько я понимаю, в вашем деле нужны доказательства.

Самоуверенность исчезла столь же внезапно, как появилась. Она вообще ко мне надолго не прилипает. А я-то, павлин, распустил перья. В слова с ним играю, в остроумные диалоги.

– Да, в нашем с вами деле, – Жженый усмехнулся, – нужны доказательства. Найдем. Ну до встречи.

Вспомнил. Это из Шульгина. Про секретаря дьявола. Из «Дней».

Я машинально пришел к «Ахмету». Нехудший вариант.

– Как всегда? – спросил человек за стойкой.

Замечательно, я уже завсегдатай. *Как всегда* не хотелось. Вместо коньяка я заказал рому. Когда пьешь ром, делаешься похожим на героя Ремарка. Впрочем, коньяк тоже делает похожим на героя Ремарка. Странно, Ремарк был немец, а пиво совсем не делает похожим на героя Ремарка.

Я забился на свое обычное место – в угол.

За соседним столиком сидели франтик с девушкой. Франтик пил виски и был одет с небрежностью. Его шмотки я оценил как дорогие. Тщательно подобранный небрежность накидывала к дорогоизне еще процентов пятьдесят. Девушка – дивно красивая, с глупым пугливым лицом.

– Ты где вчера была, сука? – спрашивал франтик.

– У Лены, – отвечала девушка, и лицо ее становилось еще более глупым и милым.

– Сколько раз тебе говорить: на мои вопросы ты должна давать полный ответ. Полный! – заорал франтик.

Кое-кто из посетителей оглянулся.

– Я вчера была у Лены, – четко произнесла девушка.

Я вспомнил уроки английского.

– Знаю я твою Лену, – франтик упивался виски и собственной значимостью. – Кто еще был?

– Никого.

– Что?

– Больше у Лены никого не было.

– А Сашка?

Девушка всхлипнула:

– Сашки у Лены не было.

– Почему не позвонила?

– Я звонила, – сказала девушка. Какая прелесть. Ну просто школьница. Потупить глазки и сказать: я учила.

– Врешь!

Франтик перегнулся через стол и хлопнул ее по щеке.

– Забыла, кто тебя из говна вытащил? Опять за прилавок захотелось?

– Нет.

Ответ неправильный, подумал я. Надо: нет, не хочу. Но, I didn't. Но франтик спустил легкомысленный ответ. Его пьяный мозг переключился на другую тему:

- Я велел тебе одеть сегодня белые трусики. Ты одела?
- Да, я одела, – девушка замялась, – белые трусики.
- Громче, – завопил франтик.
- Я одела белые трусики.

Я не выдержал. Во-первых, не одела, а надела. А во-вторых, я встал и склонился над франтиком:

– Слышишь, ты, ублюдок, меня совершенно не интересует цвет ее нижнего белья. И всех присутствующих, полагаю, тоже.

Он посмотрел на меня с небрежностью, но и некоторой опаской. А главным образом – с досадой, что кто-то испортил такой замечательный спектакль.

- Тебе чего, мальчик?

Я был старше его лет на десять.

- Сейчас пиздюлей получишь. И за нее, и за мальчика.

Франтик вскочил. Комплекция примерно моя. Можно драться.

- Тебе чего, больше всех надо?

- Обычно меньше всех, но не в твоем случае.

– Это моя жена.

- И чего?

– А того, – встрияла девушка. Лицо ее озлобилось, вытянулось, стало еще милее и даже слегка поумнело. – Вали отсюда.

Совсем неожиданный поворот. Не знаешь что и делать. Глупо драться за честь дамы, если кардинально расходишься с ней в представлениях о чести. Но моя-то честь что думает? Моя честь молчала.

- Ладно, – говорю, – ваше дело.

Я расплатился и вышел. Что за день...

День, впрочем, еще не кончился. Дома меня ждала явно возбужденная Настя. Нора получил огромный заказ: ввернуть националистический информпоток. Я слегка удивился. Насколько я помню, его зовут Марк Арон. Настя не увидела в этом ничего странного. Короче говоря, надо мочить кавказцев.

- Может, нам уже хватит мочить кавказцев?

В ответ я услышал, что я, разумеется, полный кретин и ничегошеньки в жизни не понимаю. Никто не предлагает мочить их по чердакам и сортирам. Мочить будем в информпространстве.

Настя явно освоила Норину лексику. Я поинтересовался, от кого заказ. Не от скинов же, откуда у них деньги.

Конечно, не от скинов. Я полный кретин. Заморочка явно гэбэшная: у входа стояли две «тойоты», и Настя видела номера.

Только гэбэшных заморочек нам не хватало.

– Ты все-таки полнейший кретин, – сказала Настя. – Они помогут нам избавиться от Жженого.

- Настя.

- Чего?

– Я не хочу ничего этого. Я устал. Я хочу жить с тобой, писать тексты и летом ездить в Турцию.

- Не получится.

Я знал ответ, но все-таки спросил:

- Почему?

– Во-первых, ты врешь. Во-вторых, я не собираюсь жить с тобой и ездить в Турцию. В-третьих, нам сейчас выбирать не приходится. Я, кстати, взяла у Норы деньги сразу за всю работу.

– Сколько?

– Сто пятьдесят тысяч.

– Так бы сразу и сказала. Это меняет дело.

Гурген получит свои деньги от нацзаказа Марка АRONA. Я повеселел. Правда, ненадолго. Настя рассказала, что у Норы околачивался Пожрацкий. Она с ним долго болтала и даже ходила в ресторанчик. За его счет. Меня этот факт совсем не обрадовал.

– О чём же вы с ним говорили? О черкешенках, которых он трахал?

Мелко, старик, недостойно. А что делать?

– Гаврила – замечательный человек. Между прочим, он предложил мне работать вместе.

– Ты согласилась?

– Никак ты ревнуешь?

Да, да, старик. Быстрее говори: да.

– Нет, – сказал я.

– Успокойся, я не согласилась. Гонорар не выдержит двоих. Так что работать придется тебе.

Я рассказал про Жженого. Она пропустила мимо ушей, уверенная в гэбэшной крыше на «тойотах». Мне эта крыша показалась проблемной. Равно как и крыша Насти, которую явно сносило.

X

Наутро я встал и пошел в душ. Горячая струя билась об голову, приводя мысли в порядок. Ну что ж, национализм так национализм. Чем не тема для члена «Общества толерантности»?

Меня несло на крыльях вдохновения.

«Как писал замечательный поэт, гражданин и отец замечательных детей Сергей Михалков:

*Нет, – сказали мы фашистам,
Не допустит наш народ,
Чтобы русский хлеб душистый
Назывался словом «брот».*

Так же, как, добавим мы от себя, и чтобы сливочное масло называлось словом «бутер», – тоже не допустим. Ни в коем разе.

Наши деды, вставшие грудью на отпор немецко-фашистским полчищам, отстояли и Родину, и свободу, и честь, и совесть, и хлеб в традиционном написании этого слова, столь дорогого сердцу каждого русского человека.

Сегодня благодаря антинациональной политике власть предержащих нашим дедам порой не хватает на хлеб насыщенный, который, тем не менее, вовсю трескают нелегальные мигранты, от которых наши деды сносят унижения и оскорблении, после которых лишь скромная мужская слеза катится по седой щетине, столько пережившей на своем веку: и окопы Сталинграда в блокадном Ленинграде, и ужасы сталинских лагерей, и кошмар десталинизации кукурузизации, и гробовое молчание эпохи застоя, когда Алиевы, Кунаевы и Рашидовы... (Прим. 1. Дописать и поработать над стилем. Прим. 2. Или не работать? Вообще-то запредельный патриотизм предполагает полное незнание русского языка.) Неужто теперь мы позволим, чтобы русский хлеб душистый назывался словом «лаваш»? Чтобы за границей нас называли не Иванами и Наташами, а Гургенами и Зульфиями? Иван, не помнящий родства своего, превращается в Ахмета, который очень хорошо помнит, кто он и откуда, и всюду продвигает своих соплеменников – от высших государственных постов до ларька, которым он владеет. (Прим. Добавить логики.)»

Пора взять паузу. Что бы ни говорили просвещенные умы, мысль человеческая имеет границы, бред – беспределен.

Когда-то давно я лежал с фурункулезной ангиной в Боткинских бараках. Три недели в инфекционной больнице. Практически в тюрьме. Комната – две кровати и две тумбочки. Дверь в смежную комнату, где стоят унитаз и ванна. Выход в коридор запрещен. И сосед мне попался замечательный. Вырос в детдоме. Из детдома – на зону. С зоны – в Петербург и сразу в Боткинские бараки.

Сначала он вел себя прилично. Почти культурно. Потом взял у меня почитать книжку. «История Древнего Рима». На следующий день говорит:

– Никак не могу понять, кто был круче – Цезарь или Спартак?

Я учился на истфаке. Привык, что мне задают исторические вопросы. Хотя бы на экзаменах. Но тут... Я стал объяснять. Мол, с точки зрения физической силы Спартак, вероятно, был

круче, поскольку Цезарь, судя по сохранившимся скульптурным фрагментам, был человеком достаточно хрупкого телосложения, но с точки зрения влияния на исторический процесс...

– Ты чего, крыса, – завопил сосед, – не можешь мужику по-человечески объяснить, кто был круче?

И добавил, что таких как я они на зоне зараз петушили.

Он схватил меня за грудки:

– Кто был круче?

– Цезарь.

– Или Спартак?

Моя голова болталась из стороны в сторону, но я понял, что ополоумевший придурок задает контрольный вопрос. Проверяет, искренен я или пытаюсь отделаться.

– Цезарь, – уверенно сказал я.

И все-таки он меня презирал. Заставлял играть с ним в дурака и очко. Нешадно обыгрывал. Интеллигенция в очередной раз уступила быдлу. Хорошо, что мы были не на зоне.

Метаморфозы в поведении моего дегенеративного соседа по палате объяснялись просто. «История Древнего Рима» вызвала в его девственном мозгу перегрузку. Оперативная память в два килобайта не справилась с текстовым файлом.

У меня, предположим, мозгов побольше. Но ведь то, чем я занимаюсь, никакие мозги не выдержат. Или выдержат? Посмотрим.

Я продолжил. Надо подбросить фактов.

«Возьмем благословенную Англию. Туманный, так сказать, Альбион. Как вы думаете, какое самое популярное имя среди новорожденных на родине парламентаризма и Оскара Уайльда? Джон? Джек? Куда там! Были Джеки, да все вышли! По данным Британского национального офиса статистики, самое популярное имя – Мохаммед. Прекрасно, ничего не скажешь! Принц Уэльский Мохаммед ибн Хаттаб. Интересно, что бы сказали по этому поводу Джордж Гордон Байрон и Чарльз Диккенс?»

Они бы сказали, что я мудак. Однозначно.

«Перенесемся теперь через Ла-Манш (а что? ведь могут же некоторые переноситься куда захотят, ничтоже сумняшеся, без виз, регистраций и миграционных свидетельств) прямиком в Германию. Профессор Ральф Джордано написал президенту страны об опасности ислама. На благообразного профессора обрушился шквал критики. Его, узника фашистских концлагерей (Прим. Проверить, правда ли он узник. Чисто для себя. Если не узник, так будет узником), обвинили в нацизме. Без преувеличения можно сказать, что жизнь Ральфа Джордано в опасности. Немецкий народ, переживший ужасы фашизма, кошмар оккупации, беспросветную мглу разделения страны на части, теперь вынужден молчать и ждать, пока на смену Гансам и Фрицам придет все тот же пресловутый Мохаммед. Но это, как говорится, их немецкое дело. Наши народ другой. Мы не склонны сидеть сложа руки. На Ставрополье уже идут перестрелки между доблестными казаками, свято блюдущими заветы предков, и чеченской диаспорой».

По-моему, неплохо. Норе должно понравиться. Особенно про немецкий народ.

Я добавил, как выпускники Университета МВД танцевали лезгинку после вручения дипломов, выразил глубокое возмущение и успокоился. Текст готов. Нарезать из него еще пяток текстов – и деньги, считай, в кармане. Правда, не в нашем. В гургеновском.

Мне стало тошно. От текста. От Гургена. От жизни. От себя. Не предупредив Настю, я поехал к «Ахмету».

Я ехал в маршрутке и думал о несчастной любви. Почему-то всегда в маршрутках я думаю о несчастной любви. В такси я обычно езжу к предметам своей любви, которая потом становится несчастной. Видимо, потому, что я патологически честный человек. Журналист лживый, а человек – патологически честный. Был, по крайней мере. До недавнего времени. И только один раз в жизни честность принесла мне дивиденды. Это было давно, еще в школе. Я сдавал экзамен по физике. Разумеется, ничего не знал.

– Объясните мне хотя бы, что такое атом, – сказал физик. – Как вы себе его представляете?

– Атом, – честно сказал я, – это маленький железный шарик. – Помолчал и добавил: – Самый маленький, какой только бывает.

– Чем вы собираетесь заниматься в жизни? – спросил физик.

– Хочу быть продавцом в пивном ларьке.

Я сказал истинную правду. Действительно – хотел. Я тогда день и ночь слушал «Аквариум». «Сторож Сергеев глядит в стакан», «А мы в чулане с дырой в кармане» и прочий лузер-андеграунд.

– Что ж, тогда физика вам не пригодится, – сказал учитель. И поставил мне желанную тройку.

С тех пор честность ни разу меня не выручала. Я бы даже сказал, подводила. Я знакомился с девушками. Как говорят в программе «Дом-2», заводил отношения.

– Ты меня любишь? – спрашивала девушка недели через две.

– Еще не разобрался, – честно отвечал я.

Через полгода я встречал ее и честно говорил:

– Знаешь, я, пожалуй, тебя люблю.

– Поздно. Я уже замуж вышла.

Я вздохнул и уставился в окно. За окном, разумеется, заморосил дождь.

И тут маршрутку тормознула парочка влюбленных. Сквозь запотевшие стекла я видел, что они сияли. Смеялись. Видимо, от переизбытка чувств. Их смешил дождь. Тучи на небе. Маршрутка. То, что она остановилась, будто преклоняясь перед их любовью.

Обнявшись, они пошли по проходу между сиденьями. По этому проходу один-то человек продирается с трудом, но им как-то удавалось. Любовь, как известно, способна творить чудеса.

Обычно меня бесит чужое счастье. Но у них выходило так искренне, так мило, что я залюбовался. Если и не просиял, то плеснул немногого красок в свою отсеревшую душу.

Они напоминали Петра и Февронию, в честь которых придуман праздник – День семьи, любви и верности. Мы его, конечно, не отмечаем, но он существует, чтобы дать отпор чужому влиянию святого Валентина.

Я любовался. Хотя юноша был неказистый и прыщеватый. Типичный такой Петр. А девушка – плотная и круглоголая. Вылитая Феврония. Я их так и буду называть.

А как они целовались! О, как они целовались! Сначала долго – на остановку-две. Потом слегка отстранятся и смотрят друг другу в глаза, блаженно улыбаясь. И снова – поцелуй на остановку.

Наконец, они о чем-то увлеченно заговорили:

– Но я же в прошлый раз...

– Ты что-то путаешь, это я в прошлый раз...

– Ну давай вместе...

Тут уж я загрустил. Все-таки чужое счастье можно переносить в ограниченных количествах. Мне представился их прошлый раз. Я представил заодно их будущий раз.

– Я, по-твоему, кто? – вдруг как-то не в меру возбужденно спросил прыщеватый Петр.

– Да уж известно!

Подобный диалог – признак грядущей ссоры. Потому что ответ: «Да уж известно!» – считается хамским. Здесь, видимо, дело в присущей человеку самокритичности. Что, собственно, ей известно? Мало ли что? Но он почему-то твердо знает, что ничего хорошего.

Петр разгорячился и требовал указать, кем именно он является.

– Ты ничтожество, – ответила, наконец, Феврония.

Такой ответ ничего не разъяснял.

– Просто я умеренно зарабатываю, – сказал Петр.

– Ты зарабатываешь больше меня, – возразила Феврония.

– Ненамного.

– Но ты мужчина.

– Предположим, – деловито заявил Петр.

Неужели я правильно догадался? Пусть я буду неправ. Оставьте мне хоть огрызок веры в прекрасное. Прыщеватый жлоб Петр не оставил:

– То, что я мужчина, – сказал он, – еще не повод платить за тебя в маршрутках.

– Ах, так, – сказала Феврония. Встала и пошла к выходу. Но быстро поняла, что уйти просто так, с гордо поднятой головой, не получится. Надо заплатить. Иначе шофер не выпустит.

Сейчас, думаю, Феврония швырнет шоферу сотню, скажет: «Сдачи не надо», – и выйдет.

А я, пожалуй, тоже что-нибудь швырну и выйду вслед за ней. Мало ли что круглоголицая.

В этом тоже есть свой шарм.

Но гордая Феврония начала пятиться и плюхнулась назад к своему прыщеватому кавалеру.

– Ладно, давай считать.

Некоторое время они пререкались. Передавали друг другу мятые десятки и мелочь. В конце концов разобрались.

– Мы теперь всегда будем платить поровну, – прощебетала Феврония. – Правда?

– Ну конечно, – ответил Петр.

Разрешив затруднения, парочка занялась тем, с чего начала. Продолжила чередовать длинные и короткие поцелуи. Я больше не любовался. Вообще не смотрел.

Меня мучил другой вопрос. Он зарабатывает немного больше. Если всегда и везде платить поровну – куда девать эти «немного больше»? Куда он их будет тратить? На других Февроний? А как же семья и верность?

Хотел спросить, да природная скромность помешала.

У «Ахмета» я с лету заказал четыреста граммов. Потом еще четыреста. Не подумайте плохого, я еще заказывал «Твикс». Правда, только в первый раз.

– Здравствуй. Давно за тобой наблюдаю.

Напротив меня присел мужичок восточного вида. Броде не старый, но с очень морщинистым лицом и со шрамом через всю щеку. Он мог бы играть в «Белом солнце пустыни». А может быть, сидеть в чайхане, курить кальян и примеривать вечность.

Что он сказал? *Наблюдаю*. Да еще давно. Подозрительно. В последние дни все подозрительно.

– Тебе, – говорю, – чего?

– Я – Ахмет.

– И чего?

– Не злись. Когда ты зол, Аллах залепляет тебе глаза и уши.

Я жлоб и купчинский гопник. Я отвечаю на грубость раньше, чем человек успел ее произнести. Даже раньше, чем он успел о ней подумать. Но я не в силах хамить человеку, когда он говорит со мною так, как этот морщинистый владелец шалмана.

– В принципе, – говорю, – я не против, чтобы кто-нибудь залепил мне глаза и уши.

– По-моему, тебе их давно залепили, просто ты не замечаешь.

Пожалуй, он прав.

– Ты слишком много пьешь.

Начинается. Я такого даже от родителей не сносил. Пошлю-ка его по-нашему, по-русски. Почему-то не вышло.

– Я больше не буду, – говорю. – Допью и в завязку.

– Более всего ненавистно Аллаху, что говорите вы то, чего не исполняете.

– По-нашему это называется «Зарекалась ворона говна не клевать».

– Что значит *по-нашему, по-вашему*?

– В общем-то, ничего. Все люди братья.

Мы помолчали.

– Ахмет, тебе здесь тяжело живется?

– Везде одинаково живется. Человек сам решает, как ему живется.

– Я не об этом. Я имею в виду – нацики, скинхеды, русские зачистки… Вас не любят.

– Кто нас не любит? Ты нас не любишь?

– Мне по хрена.

– А с теми, кто не любит, я сам разберусь.

– И часто приходится разбираться?

– Я тебе отвечу из Корана. Отплатой за зло пусть будет соразмерное ему зло. Но, кто простит и примирится, тому награда от Аллаха: Он не любит несправедливых.

– Это хорошо. Это лучше, чем у нас. Гораздо лучше. Мне нравится, как у вас. Подставь вторую щеку – будет награда. Но, если не хочешь, можешь и по яйцам врезать.

– И часто приходится по яйцам бить? – усмехнулся Ахмет.

– Бывает.

– По-моему, ты где-то перестарался. Отплатой за зло путь будет *соразмерное ему* зло.

Теперь уже я усмехнулся:

– Кто ж его, Ахмет, может соразмерить, кроме Аллаха?

Ахмета позвали с кухни. Он попрощался:

– Подумай об этом.

XI

Я проснулся и подумал, что мне некогда думать. Подошел срок – сегодня мы должны отдать Гургену сто пятьдесят косарей.

Жженый уверял, что Гурген пропал. Но вчера под дверью я нашел листок бумаги с обозначением места встречи и короткой припиской: «Уговор остается в силе».

Сто пятьдесят косарей лежали в Настиной сумочке. Плата за бутеры, броды и мохаммедов. Рядом с сумочкой сидела Настя.

Я смотрел на нее. После чердачной истории мы сблизились, и в то же время что-то нас развело. Секс стал жарче – как в первые дни, и говорим вроде по душам, но по глазам вижу – что-то не то.

Наверное, мы стали разговаривать слишком серьезно. Точнее – о серьезных вещах. Еще точнее – о вещах, которые считаются серьезными.

Почему-то никто и никогда не обвинял меня в глупости. Меня обвиняли в заторможенности и сумасшествии. В излишней угрюмости и в чрезмерной болтливости. В педантизме и в легкомыслии. А в глупости – ни разу. По-моему, напрасно.

Но, видимо, по этой причине дамы при знакомстве всегда заводят со мной какие-то несусветные разговоры. А нравится ли вам Умберто Эко? А почему роман «Имя розы» называется «Имя розы», хотя ни про какие розы там не говорится? Я подыгрывал. А почему роман «Три мушкетера» называется «Три мушкетера», хотя совершенно очевидно, что мушкетера четыре? Кто ж нас поймет, творческих людей. Конечно-конечно. Простому человеку вас не понять. Наверное, это очень интересно? Ах, не интереснее, чем закручивать гайки электроотверткой. Уж вы мне поверьте.

Такие разговоры продолжались два дня. На третий все приходило в норму. То есть мы начинали сплетничать об общих знакомых и обсуждать проблемы на работе. Если тема Умберто Эко возвращалась, я знал: меня скоро бросят. С Настей мы стояли на грани Умберто Эко. Еще чуть-чуть – и маятник Фуко достигнет роковой точки. Хотя, наверное, я все это навыдумывал из-за скверного самочувствия и нервного напряжения.

Напряжение возникло не просто так. Настя намылилась на стрелку с Гургеном. Вместе со мной. Совершенно ни к чему. Подобные вещи предполагают конфиденциальность. Решаются один на один. Я сыпал аргументами. Я, как всегда, забыл, что передо мной упертая барышня, и я стреляю по мишени, которую давным-давно сняли и отнесли в чулан.

– Ты мне не доверяешь? Думаешь, я прикарманю бабки, а тебе скажу, что отдал Гургену?

Она мне доверяет, но деньги, между прочим, нашла она. Ей и решать. Удар ниже пояса. Запрещенный правилами, но, тем не менее, – нокаут.

Мы поехали. Настя ожидала веселого приключения. Она забавлялась в метро, где, по собственному признанию, не была ровно восемь лет. Ее смешили турникеты, разящие человека в самые интимные места. Автоматы, выплевывающие жетоны и сдачу. Женщины, одетые в демисезонные пальто. Наконец, я усадил ее и встал рядом.

Я не ожидал никакого приключения. Я думал о том, что скажет Гурген, получив деньги. Сколько еще потребует? Что потребует, я не сомневался. И главное – мне казалось, за нами кто-то следит. Кто-то сверлит мне спину и уже добрался до позвоночника. Я вертел телом, головой и глазами. Надо успокоиться, это просто нервяк. Головняк породил нервяк. Все нормально.

Я уставился в рекламу. «Стеклоочиститель Aktiv для стекол». Что за стиль? Стеклоочиститель для стекол. Освежитель для горступа. Покупай тупо. Когда это было? Когда мы сочиняли очистительные слоганы? Недавно? Совсем недавно – в прошлой жизни.

И все-таки – для чего еще может быть стеклоочиститель? Для мытья посуды? Какие идиоты делают рекламу! Но идиотизм производителей меркнет в сравнении с идиотизмом поку-

пателей, отупевших от прелестей общества потребления. Помню рекламу Zanussi. «Вода закипает при ста градусах. Доказано Цельсием». Я рвал и метал. Приставал ко всем подряд. В том числе к надменным выпускникам технических вузов. Есть у меня и такие знакомые. Они никогда не объявили бы атом маленьkim железным шариком. А вода от Zanussi их не смущала.

– Вода закипает тогда, когда закипает, – орал я. – Она закипает тогда, когда ей захочется. А Цельсий всего лишь придумал, что это будет сто градусов. По Рейнджеру вода закипает в восемьдесят. Жизнь вообще сложная штука. Доказано мною.

– Ты чего разорался? – удивлялись знакомые из технических вузов. – Давай-ка лучше освежись, у тебя налито. Коньчик сегодня пьется – просто зашибись.

Как прикажете жить в этом мире? Мне, тосклившому аналитику.

Мы приехали. Выбрались на поверхность и встали в условленном месте. Никого. Десять минут. Пятнадцать. Чей-то взгляд – нет, уже чьи-то взгляды – пронзали меня насквозь. Во всех направлениях. Даже Настя занервничала. Прижала сумочку к груди, а сама прижалась ко мне. Как котенок.

У ларька стоит кавказец и жует пирожок. Смотрит в нашу сторону. На нас?

Еще один – у «Роспечати». Что ему делать у «Роспечати»? В кожаной куртке и со лбом в два пальца. Третий. Четвертый. Идут к нам. А где Гурген? Пропал он в самом деле или не пропал? Жив он или нет?

Я успел подумать, что и холодный пот – не фигура речи.

– Видишь отстойщиков? – сказал я Насте. – Иди к ним, садись в машину и уезжай.

– Я с тобой, – отрезала Настя. Декабристка хренова.

– У тебя деньги. Иди.

Она пошла. Это еще что такое? За нашими кавказцами тоже следят. Я заметил бритоголовых. В точно таких же кожаных куртках. С точно такими же лбами в два пальца.

Между Настей и машиной выросли двое кавказцев. Давай, детка…

Самое ужасное, что я абсолютно не знал, что именно моя детка должна давать. Отдать бабки и уносить ноги? Разумно. Так ведь мы и приехали, чтобы отдать бабки. В чем подвох? С чьей стороны?

Настя полезла в сумочку. Отдает деньги? Не угадал. Она выбросила вперед руку – кавказец схватился за лицо и сел на корточки. Второй стоял раскрыв рот, пока его не вырубил один из бритоголовых.

Я рванул к Насте, которая – по примеру незадачливого кавказца – стояла раскрыв рот. Я схватил ее за руку, и мы побежали, не оглядываясь.

– Давай быстрее.

– Придурок, я на каблуках.

Это я придурок?! Никогда не видел Настю на каблуках. Сколько помню, она всегда ходила в кроссовках. Я даже не обратил внимания, что она сегодня на каблуках. Она положительно рассчитывала на романтическое свидание.

– Пошли шагом.

Настя тяжело дышала, но глаза сверкали нездоровым блеском, выдававшим азарт. Азарт чего, дура? Ты, конечно, похожа на хищницу семейства кошачьих, но в данном случае ты антилопа, за которой несется леопард или какой другой мудозвон с подозрительными намерениями. К тому же – антилопа на каблуках.

– Как ты его уделала?

– Газовый баллончик.

– Чего? – Я чуть не рассмеялся. Что-то из ранней юности. – Откуда?

– Бросила в сумку и забыла, – сказала Настя. – Лет пятнадцать назад.

Кавказцы шли за нами, постепенно прибавляя шагу. Четверо.

Мы ускорялись – они тоже. Мы переходили на бег – они тоже переходили.

Мы встали и закурили. И они закурили. Я попробовал поймать машину. Кавказцы бросились к нам, мы – от них. Не оторваться, хоть ты тресни.

Вдруг Настя втолкнула меня в подворотню. Твою мать, та самая. Вон дверь, наверху чердак. Она сумасшедшая. Зачем нам сюда? Двор-колодец, а проходов мы не знаем. Мышеловка. Умереть на месте преступления? Романтично. Но рановато.

Кавказцы приближались. Мы нырнули в дверь и понеслись на чердак. Они за нами.

Очень умно мы поступили, ничего не скажешь. Свернули с людной улицы, поперлись на заброшенный чердак. Где с нами можно сделать все что угодно. От кавказцев нас отделял один лестничный пролет. Мы нырнули на чердак – дальше бежать некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.